

Е.В. Мухин**Консервативная номенклатура и ее роль в эпоху
«перестройки»**

(на примере анализа мировоззрения и личностных черт Е.К. Лигачева)

Егор Кузьмич Лигачев – знаковая и далеко не однозначная фигура в высшем ареопаге советской власти эпохи «перестройки» – времени великого общественного раскола, поляризации мнений и ожесточенной борьбы за власть различных политических сил. То был период, когда вся наша огромная страна повисла как бы в безвоздушном пространстве: ее прошлое подвергалось ревизии, настоящее было очевидно неудовлетворительно, а будущее неопределенно, предстывая в виде нескольких альтернатив, во многом исключавших одна другую. Символом одной из таких альтернатив (в текущей реальности, как известно, не реализовавшейся) и был Лигачев, который “демократической” прессой тех лет преподносился как лидер консервативного крыла в руководстве ЦК. Обвинение в консерватизме в тех условиях было равносильно обвинению в ретроградстве, а, следовательно, и в стремлении ликвидировать завоевания «перестройки», сохранить «отжившую свой век систему» и вернуть старые порядки. Но так ли это было в действительности?

«Проблема Лигачева» на самом деле сложнее, чем принято думать. Она глубинно связана с самим феноменом «перестройки» как таковым, который был обусловлен как объективными, так и субъективными факторами. Первые вызывались необходимостью экономической модернизации страны и стремлением населения как-то удовлетворить свои, поднявшиеся на новый уровень, потребности. А вторые, в свою очередь, выражали себя в мотивах правящего класса советского общества –

партийно-государственной номенклатуры, поскольку только она в тех условиях могла начать преобразования и определить их ход. Однако номенклатурный класс вопреки распространенным теориям Джилакса и Восленского не был однороден. Причем неоднородность проявлялась не столько во внешних параметрах представителей этого класса, скажем, принадлежности к центральной или региональной власти, партийной или хозяйственной иерархии, сколько в идейных мотивах по отношению к существующему общественно-государственному устройству и направлениям его преобразования. По этому признаку в рядах советской номенклатуры можно условно выделить антиреформаторскую, нейтрально-конформистскую и реформаторскую группировки, которые сложились еще в 70 гг. Представители первой из них предполагали оставить все как есть, поскольку в любых изменениях видели угрозу своему господствующему положению. Члены нейтрально-конформистской группировки, не имея каких-либо четких взглядов по актуальным проблемам, были готовы приспособиться ко всем возможным новациям, резонно полагая, что их профессия окажется востребованной в любых условиях обстановки. Наконец, представители третьего, реформаторского течения считали необходимым провести структурные реформы советской системы. Именно благодаря этим людям, пришедшим к власти в 1985 году, «перестройка» собственно и стала возможна.

Однако скоро выяснилось, что и реформаторское течение внутренне неодно-

родно, поскольку в нем ясно обозначились консервативное и радикальное крылья, чьи представители имели разные мотивы и программы действий. Так, радикалы потребовали кардинального разрушения существовавшей системы и немедленного перехода к «рынку», имея в виду (хотя вслух это и не говорилось) конвертировать свою власть в собственность, стать независимыми от старой номенклатуры и ликвидировать коммунистическую идеологию, которая стала слишком стеснительной и перестала быть эффективным средством манипуляции массами. Консерваторы же, наоборот, выступали за сохранение и максимальное раскрытие потенциала советской системы в новых условиях, уповая на ее изначальный гуманизм и совмещение фундамента плановой экономики с элементами рынка и конкуренции. Соответственно консервативная программа реформ предполагала постепенность действий и строгое соответствие их имеющимся условиям как в экономике, так и политике, идеологии, культуре. Хотя этому пути и не суждено было реализоваться в истории (победили, как известно, радикалы), в наше время, на фоне катастрофических итогов эпохи 90-х, он вызывает повышенный интерес. А коль скоро Лигачев был одним из главных консервативных деятелей эпохи «перестройки», именно его взгляды и личностные особенности целесообразно исследовать в рамках указанной проблемы. И здесь большую помощь нам окажут мемуары Егора Кузьмича под названием «Загадка Горбачева», написанные им, что называется, по «горячим следам», уже в 1991 году.

Как и полагается мемуаристу такого ранга, повествование о своих деяниях Лигачев почти не отделяет от рассмотрения общей панорамы событий и процессов той эпохи. В центре его внимания, конечно же, «перестройка», неразрывно связанная с личностью М.С. Горбачева. Автор пытается осветить предысторию, замыслы и ход «перестройки». При этом его стратегической целью является ответ на прин-

ципальный вопрос – что же произошло с «перестройкой», почему оказался извращенным ее первоначальный замысел? [1]

По свидетельству Егора Кузьмича уже в начале 80 гг. всем была ясна необходимость серьезных перемен в жизни страны. Снижавшиеся темпы роста экономики, разрастающиеся злоупотребления властью и падавшая дисциплина не оставляли в этом никаких сомнений. Поэтому стратегией «перестройки» предполагалось, во-первых, обеспечить новый рывок экономики на основе ее технологического обновления и совершенствования стимулов к труду, во-вторых, на новом материальном базисе поднять жизненный уровень народа и, в третьих, - покончить с такими пережитками сталинской эпохи, как пренебрежение к закону и властный произвол. [2] Быстро очертились и средства достижения данных целей. В экономике – это приоритетное развитие машиностроения (прежде всего средств производства), переход к тактике экономического экспериментирования (т.н. «тактике больших проб и малых ошибок»), высвобождение хозяйственной деятельности от мелочной опеки и регламентации и отказ от уравнительных тенденций в оплате труда. В политике – повышение статуса Советов и создание правового государства. В духовной сфере – развитие гласности, устранение цензурных ограничений и честное переосмысление истории [3].

Положенные в основу первых «перестроечных» преобразований такие принципы быстро дали позитивные результаты. В частности цифры экономического роста за 1986-1988 гг., по данным мемуариста, заметно превысили показатели 1981-1985 гг., причем прогресс был достигнут в основном за счет увеличения производительности труда [4]. Но, увы, этот взлет потом прекратился, и почти сразу дела в экономике и других сферах жизни страны пошли под откос. По мнению Лигачева главной причиной такого перелома стал курс на замену основ социализма, взятый частью высшего политического руково-

дства во главе с М.С.Горбачевым. [5] Собственно в данном обстоятельстве и заключается пресловутая загадка Горбачева, пытаясь решить которую Егор Кузьмич в итоге приходит к следующим выводам.

Во-первых, Горбачев, по мнению мемуариста, изменился в ходе «перестройки». Он стал часто витать в абстрактно-философских «общечеловеческих» категориях, при этом охладев к практическому руководству государством. А посему в стране возникла обстановка слабости, имевшая самые пагубные последствия [6].

Во-вторых, важным фактором, обусловившим эволюцию политики Горбачева, стало его окружение радикалами из команды Яковлева. Эти люди, ставшие яркими флагманами «антисоциалистических» сил, сумели убедить Горбачева, что главной опасностью для него являются консерваторы, или «силы торможения», под которыми подразумевалось среднее управленческое звено и часть высшего политического руководства во главе с Лигачевым. Против них была развернута целая кампания травли, хотя, как указывает Егор Кузьмич, ни он, ни его сторонники никогда не были врагами «перестройки» как таковой [7].

Одним из инструментов травли стало постоянное муссирование в прессе (куратором которой был Яковлев) слухов о «заговоре Лигачева». По мнению Егора Кузьмича, таким путем Яковлев и его команда пыталась привить Горбачеву «синдром Хрущева», выразившийся в боязни заговора со стороны «консерваторов». Формированию данного синдрома способствовало и предвзятое препарирование информации помощниками Генсека, от которых тот зависел тем больше, чем больше он участвовал в огромном количестве текущих мероприятий (внешние и внутренние поездки, заседания, сессии, брифинги, интервью и т. п.). В результате на продумывание принципиальных вопросов у Горбачева оставалось только отпускное время, а потому их «разрабатыва-

ли», как правило, те же помощники, в основном Яковлев и Медведев. Напротив, консервативное крыло в высшем руководстве (Рыжков, Лигачев, Слюньков, Зайков и др.) примерно с конца 1987 г. оказалось серьезно ослабленным во влиянии на Горбачева и лишилось возможности проводить свой курс постепенного реформирования страны. [8] По этой причине в итоге и стали возможными два роковых шага, которые согласно Лигачеву явились корнями всех последующих несчастий.

Речь идет, во-первых, о замене умеренного проекта государственного плана социально-экономического развития на 1988 г. (предложенного правительством Рыжкова) на радикальный проект, разработанный по инициативе Яковлева и поддержанный Горбачевым. Этот второй проект, по сути, представлял собой первую отечественную попытку форсированного перехода к рынку и притом в совершенно негодных условиях. По настоянию радикалов госзаказ на 1988 г. был сразу снижен на 30-50% (вместо 5% в первоначальном варианте), и это в короткое время привело к катастрофическим последствиям. Промышленность разбалансировалась из-за перехода смежников на договорные отношения, а потребительский рынок буквально обрушился вследствие введения договорных (свободных) цен и утраты контроля над соотношением роста производительности труда и зарплаты. Подлил масла в огонь и Закон о соцпредприятии (вступил в силу 1 января 1988 г.), который перевел предприятия на полный хозрасчет с правом обналичивать прежде безналичные фонды да еще ввел принцип выборности директоров, поставивший их в полную зависимость от прихотей подчиненных.

И вот на таком-то фоне была совершена вторая знаковая ошибка: выборы в Советы осенью 1988 г. было решено сделать альтернативными. Но в той обстановке это благое по своей природе новшество явилось очевидным злом, поскольку люди были уже достаточно озлоблены на власть (из-за пустых магазинных полок, антиал-

когольной кампании) и разочаровались в ее «перестройке». В итоге верх на выборах одержали разного рода авантюристы и демагоги, которые во имя «народного блага» стали требовать быстрого перехода к «свободному рынку» и разрушения «командно-административной» системы (подразумеваемая под ней прежде всего Госплан и центральные отраслевые министерства).

Совокупным следствием экономических неурядиц и радикальной политической реформы стало лавинообразное нарастание в стране национализма и сепаратизма. Но Горбачев долгое время не замечал или не хотел замечать этой опасности, так как его окружение намеренно затушевывало ее, предпочитая в качестве главной угрозы преподносить Генсеку консерватизм. Результатом стала общая катастрофа, ознаменовавшая собой крах не только «перестройки», но и всей советской государственности [9].

Такова общая концепция Лигачева относительно событий 1985-1991 гг. На наш взгляд, Егор Кузьмич верно определил спусковые механизмы хаоса, постигшего советское общество в эпоху «перестройки», однако он не вскрыл те силы (кроме фактора личности Горбачева), что привели эти механизмы в движение. Речь идет, в частности, о клановых интересах части радикальной номенклатуры (стремившейся персонифицировать свою власть и закрепить за собой до этого только управляемую ею собственность), мотивах Запада, связанных с сокрушением России (в рамках полувекового противостояния «холодной войны») и стремлении советского населения (с 1960-х гг. уверенного, что жизнь может только улучшаться) получить все сливки реформ сразу и в полном объеме. Возможно, тот факт, что консервативные деятели вовремя не осознали эти факторы, сыграл главную роль в их политическом поражении. Как сказал Сунь-Цзы, если знаешь противника и себя, сражайся хоть сто раз – опасности не будет; если знаешь себя, а его (противника) не знаешь, то один раз победишь, другой

раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда сражаешься, будешь терпеть поражение. Поглядим же, насколько хорошо Лигачев (а в его лице и вся консервативная номенклатура) знал хотя бы “себя”, то есть насколько стройна, непротиворечива и адекватна ситуации была его собственная идеология.

Если характеризовать взгляды Лигачева в целом, то можно определить их как традиционно советские, но окрашенные в специфические личностные тона. Утверждать так нам позволяют следующие компоненты мировоззрения мемуариста:

1. Вера в социализм, признание его одним из равноправных путей человечества к прогрессу (наряду с капитализмом);

2. Понимание социализма как строя, основанного:

- экономически – на общественной собственности на средства производства в многообразных формах, где человек становится совладельцем, где есть сочетание плана и рынка;

- политически – на демократических советах и правовом государстве;

- в социальном плане – на социальной справедливости, свободе от эксплуатации и безработицы;

- в нравственном отношении – на социалистических ценностях, вбирающих общечеловеческие ценности; [10]

3. Убежденность в необходимости строго постепенного проведения реформ (особенно в экономике и политической сфере), исключающего одномоментное разрушение прежнего фундамента; [11]

4. Положительный в целом взгляд на советскую историю, в ходе которой наша страна из «отсталой и полудикой» была превращена в «могучее индустриальное государство с развитой наукой и культурой»; [12]

5. Осуждение культа личности и беззаконий 30 гг. и возложение ответственности за них на тех, кто тогда находился у власти; [13]

6. Признание капитализма строем, связанным с обнищанием большинства и обогащением немногих [14].

Что же примечательного можно выделить в таком мировоззрении Егора Кузьмича? Прежде всего, обращает на себя внимание признание социализма только одним из возможных путей человечества к прогрессу, а не единственной столбовой дорогой к нему, как долгое время утверждалось советской пропагандой. В то же время капитализм трактуется Лигачевым традиционно: в стиле концепций XIX - начала XX веков. А принципиальная разница между этими двумя системами заключается, согласно интерпретации Егора Кузьмича, в наличии или отсутствии частной собственности, при которой, по его мнению, производитель отчуждается от средств производства. Поэтому, введение частной собственности у нас Лигачев считал абсолютно неприемлемым [15].

Впрочем, если почитать «Загадку Горбачева» между строк, то нетрудно определить: автор выступает не против частной собственности как таковой, а против передачи общественных средств производства в руки новоиспеченных приватизаторов: пронырливых “хозяйственников”, “комсомольцев” и дельцов теневого бизнеса. Это подтверждается тем, что далее Лигачев все же допускает передачу в «частные руки» конкретно предприятий сферы услуг, хоть и без эксплуатации наемного труда [16].

В воззрениях автора «Загадки Горбачева» имеются и другие любопытные особенности. В частности, как указывается выше, Лигачев был сторонником разгосударствления экономики, считая, что трудовые коллективы должны стать полноправными владельцами своих предприятий. [17] Но всем известно, что результатом реализации Закона о соцпредприятии 1988 г., призванного решить данную задачу, стал групповой эгоизм и полное попустительство выборных директоров по отношению к своим подчиненным на предприятиях-монополистах [18]. Лигачев

это признает, но, считает, что разгосударствление экономики есть не предоставление абсолютной свободы предприятиям, а всего лишь свобода в тактике по выполнению стратегического плана (в смысле отхода от уравниловки, более хозяйского распоряжения имеющимися ресурсами и т. д.). [19] План же, в свою очередь, должен сочетаться с рынком, под которым подразумевается прежде всего рынок средств производства, не допускающий эгоизма предприятий-монополистов. По мысли Егора Кузьмича такой рынок должен был создаваться постепенно [20].

В целом, ретроспективно оценивая “экономическое” мировоззрение Лигачева, можно отметить, что сущность социалистической экономики он представлял достаточно хорошо. На страницах книги немало говорится о необходимости технологического перевооружения советской промышленности (задаче, которая настоящими государственными деятелями остро осознавалась еще с конца 70 гг.), отрицается предоставление абсолютной свободы предприятиям (из-за опасности разрушения внутренне жестко взаимосвязанной системы советского хозяйства), но одновременно осуждается и другая крайность – планирование всего и вся вплоть до последних мелочей. В то же время, с высоты сегодняшнего дня ясно видно, что Лигачев мыслил категориями все-таки старосоветской индустриальной эпохи. Отрицая частную собственность, он показывает явное непонимание той стратегической роли, которую мелкое и среднее предпринимательство могло сыграть в подъеме советского потребительского рынка. Недооценивается им и значение образования, поскольку в книге ничего не говорится об увеличении инвестиций в эту отрасль и повышении отдачи от интеллектуального капитала страны, а ведь это был коронный козырь СССР (а теперь России) в экономике знаний будущего. Однако главный дефект мировоззрения Егора Кузьмича, и не только экономического, заключался в непонимании им того факта,

что «перестройка» имела не только самостоятельное значение, но еще и объективно являлась нашим ходом в партии «холодной войны» против Запада. Об этом свидетельствует уже хотя бы убежденность Лигачева в том, что губить перестройку было не в интересах ни СССР, ни Запада. При этом высказывается сожаление по поводу идеологических и пропагандистских подходов к межгосударственному сотрудничеству, от которых *пока* не отказался Запад (см. стр. 115). В рамках данной партии реформы следовало проводить, учитывая не только свое положение, но и позицию противника. Как раз с этим у Лигачева и остальных советских консерваторов были серьезные проблемы.

Егор Кузьмич, по-видимому, смутно представлял себе сущность современного капитализма, во многом смешивая его с тем строем, что был описан еще Марксом (применительно к Западу). Между тем, классический капитализм с его беспощадной конкуренцией, жестокой эксплуатацией рабочих и преобладанием национальных монополий во второй половине 20-го века на Западе постепенно ушел в прошлое, уступив место так называемому капитализму акционерных обществ, который как раз в конце 80-х приобрел глобальный размах. Для капитализма данного типа характерно быстрое перемещение капиталов и ресурсов по всей планете, когда они перебрасываются в места с наименьшими издержками. В 80-90 гг. выяснилось, что такими местами являются страны «теплых морей» в Азии и Латинской Америке, куда западное производство и переместилось в основной своей массе. Одновременно с этим произошло разделение мирового рынка высокотехнологичной продукции между несколькими западными корпорациями-гигантами. На фоне жестокой конкуренции между производителями из стран третьего мира на рынке сырья и ширпотреба, сопровождавшейся максимальным снижением цен, эти корпорации установили на плоды своего хай-тек монополю заоблачные цены. Таким обра-

зом, к концу 80 гг. конструкция новой западной системы в основном определилась.

На вызов глобализации советская элита оказалась не в состоянии выработать адекватный ответ. «Перестройка» как ход в партии «холодной войны» явилась саморазрушением мира русской орбиты с последующим кабальным включением его остатков в западную мир-систему. И вина за это лежит не только на радикалах отечественной элиты той эпохи (тем более, что случившееся большинство из них вполне устроило), но и на консерваторах во главе с Лигачевым и Рыжковым, которые, несмотря на всю свою преданность советской державе, не смогли грамотно разобраться в ситуации. А между тем, Советский Союз образца 80-х располагал возможностью поистине сокрушительного ответа в цивилизационной гонке. Для этого ему достаточно было просто рассекретить и выплеснуть на мировой рынок множество своих научных разработок (до этого находивших применение лишь в недрах ВПК или пылившихся в чиновничьих столах и архивах) и высокотехнологичных услуг, имевших огромный коммерческий потенциал. Речь идет о спутниках, услугах космической связи и телекоммуникаций, второй ветви космонавтики (выводе в космос различных грузов с помощью авиации), ценных полимерах, программном обеспечении, продуктах генной инженерии и о многих других плодах русского гения и передовой отечественной индустрии. Все это предлагалось бы по ценам ниже иностранных аналогов (при наличии таковых), что привело бы к быстрому краху монополии западных концернов в мире. А дополнить такой прорыв можно было контрактами с быстроразвивающимися странами (Индией, Китаем, Вьетнамом, Малайзией, Бразилией и др.) по реализации совместных научно-технических проектов и со странами – сырьевыми экспортерами (членами ОПЕК, Ираком, Ираном и Анголой) по единым мировым ценам на стратегическое сырье. Полученные от всех этих и других акций

дивиденды в последующем можно было направить на осуществление сверхпроектов будущего, таких как полет на Марс, освоение мирового океана, создание энергетики и транспорта будущего и др. Их реализация наряду с внешнеэкономической экспансией и активной предпринимательской деятельностью внутри страны позволила бы дать достойное приложение накопившейся в советском обществе к середине 80 гг. энергии обновления. А пресловутый русский максимализм, в реальности проявивший себя в слепом разрушении существовавшей системы, в таком варианте истории получал весьма позитивное насыщение, тем более что СССР безоговорочно выигрывал цивилизационную гонку у Запада.

К сожалению, консервативная оппозиция, противостоявшая радикалам (а по сути партии национальной измены), не обладала соответствующим кругозором и полетом мысли, чтобы хотя бы предложить обществу нечто подобное обрисованному выше. А потому Лигачев и его сторонники стали ассоциироваться в глазах народа с прошлым: с тем, чей ресурс уже исчерпан. Одно это не добавляло популярности консервативной альтернативе. Но и политические взгляды ее носителей не были адекватными ситуации. Пример Лигачева позволяет заключить, что консерваторы то и дело пытались усидеть на двух стульях, получая в итоге соответствующий результат. Например, совершенно непонятно, каким образом КПСС могла освободиться от обязательств по отношению к государству (это требовалось якобы для возвращения доверия народа) и, одновременно, оставаться «главной силой, способной провести реформы и вывести страну из острой ситуации»? [21] Или как можно при курсе на гласность и демократизацию удивляться всплеску демагогии и экстремизма в стране, до этого в течение десятилетий пребывавшей под сенью монолитной идеологии? [22] Все это выглядит по меньшей мере странным.

По нашему мнению, разгадка здесь кроется в прекраснотушных установках Егора Кузьмича. Он воспринимал «перестройку» в форме “мирных” реформ, которые хоть и “обновят” страну во всех сферах жизни, но не выйдут за рамки привычного мироощущения. При этом на пути намеченного курса заранее не предполагалось никаких активных препятствий. Но, увы, суровая действительность внесла свои коррективы в такие представления. Выяснилось, что путь к лучшему миру лежит через жестокую войну с силами, преследовавшими в «перестройке» свои собственные интересы: радикальной номенклатурой и стоявшим за ее спиной Западом. Выяснилось также, что для победы в этой войне консерваторам требуются смелые оригинальные проекты и нестандартные решения. Но ни того, ни другого Лигачев и его сторонники в полной мере предложить не смогли.

В дополнение ко всему консервативные деятели слабо представляли себе даже те вещи, которые они просто должны были не допускать при любых условиях. Это, во-первых, лишение КПСС “руководящей и направляющей роли”, а проще говоря, власти в стране, что в тех условиях было равносильно выдергиванию ядра из атома с соответствующими последствиями. Во-вторых, включение в государственную идеологию “общечеловеческих” (читай каких угодно) ценностей, увы, предусмотренных, как мы видели, лигачевской трактовкой социализма. В-третьих, допуск неограниченной свободы слова, которая в тех условиях стала самым настоящим оружием информационной войны против СССР. И, в-четвертых, попытка построить правовое государство в СССР по западным рецептам, что было не только проигрышно идеологически, но и автоматически переносило поле битвы «холодной войны» внутрь страны с соответствующими последствиями для ее государственности. А поскольку все эти вещи Лигачев и его товарищи так или иначе провозглашали, хоть и оговаривая их множеством ус-

ловий, они тем самым обрекали себя на поражение в информационной борьбе с радикалами, которые требовали осуществить переход к «демократии» немедленно и в полном объеме. Русский максимализм в данном случае играл на руку противникам постепенного пути развития. И, увы, он же способствовал утрате Россией цивилизационного приоритета.

Однако не только мировоззренческие оттенки повлияли на поражение консерваторов. Свою роль здесь сыграли и личностные черты, отличавшие их как людей власти. В частности, едва ли не решающее значение имела приверженность консервативных лидеров – Лигачева и Рыжкова – такому принципу номенклатурной корпоративной этики, как табу на вынос «сора из избы», то есть на раскрытие перед населением конфликтов в высшем эшелоне власти [23]. В результате за последствия многих решений, фактически продавленных радикалами, ответственность приходилось нести именно консерваторам: Лигачеву как второму секретарю ЦК, Рыжкову как Председателю Совета Министров. Когда же они осознали свою ошибку, было уже поздно. В глазах общества оба государственных деятеля и их сторонники оказались главными стрелочниками, виновными в произошедших провалах. А потому именно консерватизм, а не радикализм или пещерный национализм стал восприниматься населением как главная опасность стране и «перестройке».

Консервативные деятели вообще недооценили роль борьбы в информационной сфере, что повлекло за собой такой общесистемный недостаток их тактики как отказ от игры на опережение. Применительно к политической (и цивилизационной) схватке такая игра предполагает использование ожиданий и потребностей населения в интересах своего дела. А на этом поприще (перефразируя Деникина) консерваторы бесконечно уступали радикалам в способности вдохновлять, соблазнять и привлекать на свою сторону, благо, что за спиной последних маячил Запад,

представлявшийся миллионам советских обывателей буйным и изобильным праздником жизни. Чтобы победить в такой борьбе за умы и души людей консервативной номенклатуре нужно было ни много ни мало создать идеал, более привлекательный в глазах народа, чем общество массового потребления. И таким идеалом могло стать только общество будущего, близкое по своим чертам тому миру, что описан в трудах братьев Стругацких и Ивана Ефремова. Общество, где человек сочетает власть над материей и безграничную духовную свободу, где совершенные технологии грядущего накладываются на глубокий гуманистический фундамент, издавна присущий именно русскому миру.

Справедливости ради надо отметить, что переломить роковой ход событий в каком-нибудь 1989 или 1990 году было уже чудовищно трудно. Из-за искусственной аберрации сознания люди слабо представляли себе, что происходит. Однако и западные веяния в тех условиях можно было использовать с умом в случае вписывания их в русло отечественной культуры. Например, импортируя не отстойные, разрушающие мозги боевики, а киношедевры с несколькими Оскарами или ветвью Каннского фестиваля. То же относилось и к музыке, и к литературе, и даже к компьютерным играм, которые даже сейчас не поздно сделать незаменимыми пропагандистами в глазах детей отечественной культуры, истории и военной мощи. В идеале же Советский Союз должен был предстать в сознании обывателя самобытным разноликим миром со своими вкусами, модой и стилем жизни. Миром, навсегда вырванным из оболочки скуки и серости (а заодно и абстрактных «общечеловеческих ценностей»), в которую страну изумительно талантливо поместила позднесоветская элита, относившаяся преимущественно к ретроградскому течению номенклатуры. Но этому не суждено было случиться.

К сожалению, имидж многих консерваторов в глазах народа ассоциировал-

ся с обликом типичного советского аппаратчика 70-80 гг., вызывавшим всеобщую аллергию. Этот облик включал в себя и довольно почтительный в среднем возраст консервативных деятелей, и их уверенность в своей непогрешимости (которая в случае с Лигачевым косвенно проявляется в некоторой его склонности к «абсолютно объективным» выводам [24]), и их свойство подменять реальные дела всевозможными бюрократическими заседаниями (Пленумами, коллегиями и т.д.), где проблемы только забалтывались. [25] А на фоне относительной молодости, популизма и демагогии радикалов, даже многие положительные личностные черты их оппонентов либо не замечались, либо вызывали раздражение. Хотя для любого государственного деятеля или просто управленца совсем не лишним является обладание такими качествами, как честность, ответственность, верность традициям и большая работоспособность, то есть всем тем, чем, несмотря ни на что, обладал Егор Кузьмич Лигачев.

Об этом свидетельствуют многие люди, знавшие Лигачева. Кроме того, указанные качества косвенно вычисляются по его собственным мемуарам. Кстати, проявление именно честности, ответственности и верности традициям в тех условиях могло играть далеко не в пользу их обладателя.

Завершая статью, признаем, наконец, что судьбу консервативной альтернативы в эпоху «перестройки» предрешили факторы преимущественно субъективного порядка, которые были связаны с мировоззренческими и личностными особенностями соответствующих государственных деятелей и чиновников. Действия, ошибки и удачные ходы конкретных людей и их сообществ, повлияли на то, что текущая реальность стала именно такой, какой мы ее знаем, а не иной. Тем не менее, точка бифуркации, ясно обозначившаяся во второй половине 80 гг., не вызывает никакого сомнения. Именно процесс, известный всем как «перестройка», привел систему

под названием СССР в неравновесное состояние. А конечная точка стабилизации данной системы отныне определялась примерно тремя основными альтернативами (условно – радикальной, консервативной и ретроградской), носителями которых являлись представители соответствующих номенклатурных течений. При этом информационные следы нереализовавшихся в текущей реальности альтернатив достаточно ясно читаются уже в самом факте существования и деятельности таких знаковых фигур, как Лигачев, а также в самой духовно-идейной атмосфере 1987-1991 гг., что определялась борьбой за тогда еще неочевидное будущее. Кроме того, реальность упомянутых альтернатив в какой-то степени подтверждается действительностью таких социумов, как Китай, Северная Корея, страны Восточной Европы и другие, которые в прошлом имели пороги бифуркации, сходные с нашим, но в настоящее время являют собой живые примеры реализации путей, отличных от того, что выпал на долю российского социума.

Вообще ныне, когда уже не только наша страна, но и вся планета подходит к новому бифуркационному порогу, обусловленному концом эпохи индустриализма, как никогда актуальным становится изучение уже имевших место исторических разломов. Но анализ альтернатив прошлого – отнюдь не приглашение к копированию какой-либо из них в настоящем. Здесь скорее важна сама методология: искусство оценки ситуации со всеми ее явными и скрытыми возможностями, а также технология принятия решений, которая должна учитывать экономические, геополитические, макроисторические и (last but not least) психологические факторы. Важно определить, какие нюансы текущей реальности будут сопротивляться реализации твоих замыслов, а какие способствовать им. Применительно к современной России можно сказать, что она уже и отдаленно не обладает тем индустриальным запасом прочности, каким об-

ладал СССР, а потому реализация консервативного проекта времен «перестройки» в чистом виде сейчас невозможна. Проводя аналогию с шахматами можно отметить, что если Советский Союз выигрывал партию при любых сколько-нибудь осмысленных действиях своих рулевых, то «новая Россия» проигрывает ее при любой «нормальной» игре, не говоря уже о бесполом следовании по течению. Поэто-

му сегодня единственным шансом для нашей страны становится только стратегия чуда, предполагающая сознательное и дерзкое конструирование нужного нам мира будущего. А уж на этом поприще грядущая эпоха нового межвременья с ее мириадами исторических альтернатив сулит творцам новой реальности возможности, в настоящее время практически неподдающиеся конкретной оценке.

Библиографический список (Примечание ?)

1. Лигачев Е.К. Загадка Горбачева. М., 1992. С. 3-4.
2. Там же. С. 41, 34-35.
3. Там же. С. 41, 272.
4. Там же. С. 268-269.
5. Там же. С. 3-4, 278-279.
6. Там же. С. 105.
7. См. там же. С. 82, 95, 113, 131-132, 297-298, 238-239, 268 и др.
8. См. там же. С. 104-105, 131, 134, 298, 93-95, 290-292 и др.
9. См. там же. С. 75-76, 276, 289-300, 246-247, 134 и др.
10. Там же. С. 279.
11. См. там же. С. 75, 196, 282, 298, 299, 105 и др.
12. Там же. С. 274.
13. Там же. С. 120 и др.
14. Там же. С. 75.
15. Там же. С. 274, 279.
16. Там же. С. 275.
17. Там же. С. 273.
18. Там же. С. 282-283.
19. Там же. С. 270-271, 293.
20. Там же. С. 289, 294.
21. Там же. С. 163, 97 и др.
22. Там же. С. 68, 86-87, 134, 239-240, 272.
23. Там же. С. 4, 195, 296.
24. См., например, там же. С. 111 и др.
25. См., например, там же. С. 39-41, 246 и др.